

МУЗЕЙНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ В МУЗЕЕ

УДК 069.01/069:377/069.123

Линн Марэнда

МУЗЕЙНАЯ ПРАКТИКА, МУЗЕЙНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ, МУЗЕОЛОГИЯ: СВЯЗИ И ДИХОТОМИЯ

Мое обращение к данной теме было связано с двумя обстоятельствами совершенного разного толка. Первое имело место много лет назад, когда мне пришлось несколько раз столкнуться с выпускниками программы «Музейные исследования» университета Торонто, пытавшимися устроиться в Ванкуверский музей, где я тогда работала. Второе произошло лет пять назад, когда в наш музей на годичную стажировку в качестве волонтера приехала студентка лейпцигской Высшей школы техники, науки и культуры. После прохождения практики она должна была вернуться в свой университет, где до завершения обучения ей оставался еще один год.

Для всех выпускников университета Торонто характерным было совершенно одинаковое отношение к проблеме: они полагали, что, закончив программу «Музейные исследования», имели все шансы получить работу в музее. На вопрос есть ли у них хотя бы какой-нибудь опыт музейной деятельности, все они отвечали отрицательно. Дальнейшие испытания показали, что ни один из этих студентов не знал ничего о практической работе музея, за исключением той самой общей информации, которую им сообщили в процессе обучения. Должности, на которые претендовало большинство этих студентов, предполагали различные аспекты работы с коллекциями. При этом никто из них не мог сказать, что именно надо было делать, дабы выполнить то или иное задание, не говоря уже о том, чтобы объяснить, почему именно такая, а не иная методология была необходима в данном случае. У меня появилось ощущение, что я говорю с ними на иностранном языке. Едва ли есть необходимость объяснять, что никто из них, из-за отсутствия знаний и необходимых навыков, работы в нашем музее не получил. Доверить им ответственность за выполнение работ, требующих квалификации, которой они попросту не обладали, было совершенно невозможно. Это было довольно печально, особенно, если учитывать их образование и мои надежды на их высокую квалификацию. Однако больших проблем музею не доставило – среди кандидатов было достаточно тех, у кого уже имелся необходимый опыт работы с коллекциями, и кого, следовательно, можно было принять на работу.

Как правило, я старалась задавать выпускникам университета Торонто, пытавшимся устроиться в наш музей, конкретные вопросы, непосредственно связанные с их предполагаемой работой. Например, как подготовить описание, или какую информацию необходимо включить в каталог музейных предметов. Ответы на эти вопросы были совершенно неудовлетворительными, и единственный вывод, который я могла из них сделать, заключался в том, что кандидат не имеет никакого представления о своей будущей работе. Совершенно иначе развивалась ситуация с практиканткой из Германии.

Получив письмо от студентки из Лейпцига, я сразу же отметила, что он хорошо владеет английским языком и имеет определенный опыт практической работы в музеях. Ее практика должна была длиться год, и мне показалось, что этого времени может быть вполне достаточно для того, чтобы наши усилия оказались взаимно полезными. Когда в конце лета 2006 г. она прибыла в Канаду, я была изумлена тем, что она не только прекрасно знакома с профессиональным языком, но и имеет отличное представление о том, что от нее требуется в области практической деятельности. Она оказалась человеком, который не только имел солидный багаж знаний о работе в музее с практической точки зрения, но и мог обсуждать теоретические взгляды, скажем, З. З. Странского. За год своего пребывания в музее она обращалась к целому ряду работ, связанных с коллекциями, – каталогизации, учету и хранению, обновлению описей, подготовке предметов, передающихся на временное хранение в другие музеи, и т.д. Помимо этого она сама вела небольшую исследовательскую работу, помогала ученым, изучавшим те или иные предметы из музейных коллекций, и ассистировала приглашенному куратору в подготовке выставки. Ее главная обязанность была связана с каталогизацией коллекции естественноисторических предметов, а также разработкой и внедрением системы учета этих предметов и соответствующей базы данных. Кроме того она выполняла некоторые работы в консервационной лаборатории (часть из которых оплачивалась), готовя отчеты о состоянии предметов и подготавливая их к экспонированию (очистка, элементы монтажа и т.д.). Затем она руководила группой волонтеров и студентов, присутствовала на встречах сотрудников и создателей выставки, в случае необходимости, помогала другим сотрудникам музея. Все это удавалось ей легко, благодаря полученным знаниям. Она была эффективна и уверена в себе. Ее работа могла считаться образцовой.

На мой взгляд, принципиально важно, чтобы студенты, получающие диплом по программам, связанным с музейным делом, заканчивая обучение, имели некоторый набор знаний и умений в нескольких различных областях, которые могли бы быть непосредственно полезными в музейной практике¹. К числу таковых можно было бы отнести, например, знания, связанные с музейными коллекциями – от их комплектования и каталогизации вплоть до постоянного или временного экспонирования, хранения в фондах и передачи на время в другие музеи. Не менее важный аспект – знание различных систем каталогизации и

¹ О проблеме в целом см.: *Museological Working Papers*. 1980. № 1.; *ICOFOM Study Series*. 1983. Vol. 1. (*Methodology of Museology and Professional Training*); *The Museum Profession: Internal and External Relations*. Ed. by G. Kavanagh. Leicester, 1991.

того, как их следует применять к коллекциям различного типа, знакомство с различными базами данных, поисковыми системами (в том числе и электронными), – словом, всего того, что дает реальный доступ к информации. Для всех функций музея (особенно связанных с коллекциями) чрезвычайно важными являются комплексные данные, связанные с поступлением предметов и их хранением. В этом смысле, потенциальному музейному работнику просто необходимо знакомство с соответствующими процессами. Далее, не менее важными оказываются знания, связанные с консервацией. Они обеспечивают физическую сохранность предметов, в первую очередь, это касается влажностно-температурного режима и уровня освещения. Не следует, конечно, забывать и об интеллектуальных составляющих: как проводить исследование, как проверять, оценивать и использовать полученные данные, наконец, как и где их надо записывать. Кроме того, в программу по музейному делу следовало бы включить обучение тому, как подготавливать проект выставки, составить его бюджет, или рабочий план, как правильно составить заявку на получение гранта или контракт. Другими важными компонентами такой программы должны быть вопросы, связанные с авторскими правами, интеллектуальной собственностью, законодательством, проблемами обеспечения безопасности, развитием проектов и динамикой малых групп. Помимо того, есть еще и такие общие навыки, которые необходимы для всякой работы (и которые, однако же, не преподаются в университетах), как поиск информации, знание основ коммуникации, уважение к другим культурам, этика поведения, социальная динамика и умение учитывать различные точки зрения, – все они важны для музея сегодня и будут важны в будущем.

Во время работы над этим текстом я вдруг подумала: как это возможно, чтобы одни не знали почти ничего, а другие, наоборот, знали почти все и могли легко работать в музее, притом, что и те и другие получили высшее образование по программам, связанным с музейным делом? Разницу интеллектуальных и креативных возможностей оставим в стороне. Ответ на наш вопрос должен находиться в самом существовании различных учебных программ по музейному делу.

Рассмотрим, в качестве примера, миссию или основную цель института, который без сомнения является сейчас лидером музейного образования в англоязычном мире. Я имею в виду Лестерский университет (Великобритания). В этой миссии говорится, что существующая при университете Школа музейных исследований «с 1966 г. остается всемирно известным центром изучения и преподавания музейных исследований», «который, работая совместно с музеями, галереями и иными близкими к ним культурными организациями, развивает креативную практику, используя новейшие разработки преподавания и исследования»². На магистерском уровне курс построен вокруг нескольких ключевых модулей, которые затрагивают такие темы, как музеи, общество и культурные перемены; развитие стратегических ресурсов; коммуникация, медиа и музеи; значение музеев для социального, экономического и политического окружения, в котором они функционируют. Помимо этого, в программу входит и один курс по выбору самих студентов. Обязательной является 8-

² См.: <http://www2.le.ac.uk/departments/museumstudies> (ссылка последний раз проверялась 17.11.2011 г.).

недельная практика в музее или галерее, позволяющая студенту «в рабочих условиях проверить и развить содержание преподаваемых программ»³.

Наиболее обстоятельная программа музейных исследований из тех, что существуют в Канаде (2 года обучения для получения степени магистра), – та, что читается на факультете информации университета Торонто. Вот ее основные цели: «Магистерская программа музейных исследований предлагает студенту солидный теоретический багаж знаний и профессиональное понимание основ музеев, их идеологии, изменяющейся философии и текущих практик. Студенты получают значительные познания относительно функционирования музеев в широком социальном и культурном контексте, а также методологию исследовательской работы, они готовятся к карьере профессиональных музейных работников»⁴. Обязательные курсы включают в себя: управление коллекциями; этику, управление и руководство; экспозиционную деятельность, интерпретацию и коммуникацию; а также общий контекст, связанный с музеями и культурным наследием и их основные проблемы. Кроме того, предлагается список из 22 курсов на выбор, который и покрывает весь спектр музейных проблем: от музеологии и теории, до работы кураторов, вопросов консервации, архитектуры, образования, культурной политики, исследовательских методов и т.д. Один из этих 22 курсов называется «Практика» и включает в себя 12 недель работы в «... музее, галерее или связанном с ними институте». Описание курса гласит: «Цель практики – развитие компетенций в практической музейной деятельности».

Сравнив два этих подхода, мы можем отметить, что в случае с Лестерским университетом явно сделан акцент на более широкий спектр музейных проблем, особенно философских и теоретических. В Торонто цели ближе к проблемам музейной работы, хотя тот факт, что музейная практика оказывается здесь курсом по выбору, сбивает фокус программы с музейной карьеры будущего магистра, несмотря на заявленную цель развивать «компетенции в практической музейной деятельности». Музейные исследования оказываются чем-то отличным от музейной работы.

С другой стороны, лейпцигская Высшая школа техники, науки и культуры предлагает программу по Музееведению (до недавнего времени – 8 семестров, что было не вполне магистерским дипломом, но превосходило подготовку бакалавров, теперь же – просто бакалаврская программа), в которой образование в классе стремится отвечать на «реальные» проблемы современных музеев. Курсы музейного менеджмента, музейной педагогики, консервации, документации и экспозиционной деятельности включают в себя сценарии «как в настоящей жизни» и проекты для активной деятельности «как это сделать». Например, курс музейной педагогики включает такие компоненты, как проведение экскурсий в музеях Лейпцига, а в рамках освоения музейного менеджмента студенты должны организовать «открытый день» в одном из музеев города. Основной упор делается на выработку страте-

³ Там же. См. также: *Golding V. Application of Museology Education at the University of Leicester // Museums for the Society in the 21st Century. Taipei, 2009. P. 191-210.*

⁴ См.: www.ischool.utoronto.ca/programs-courses/master-of-museum-studies/program-of-study (ссылка последний раз проверялась 25.05.2010 г.).

гии, подготовку материалов, создание презентаций (в том числе, и самой экспозиции), практические функции и анализ баз данных и т.д. Там есть курсы «... совсем не связанные с музейной работой. Например – теоретическая музеология. Она должна дать Вам представление о философии музея и о том, почему мы собираем некие предметы. Хотя, в конце концов, окончательного ответа она, конечно, не даст». «... после того, как у меня появился некоторый опыт реальной музейной работы, я поняла, что некоторые из моих знаний были весьма абстрактными. Но ведь это всегда зависит от того, можешь ли ты разделить то, что должно быть и то, что ты можешь сделать в данных конкретных обстоятельствах». Надо иметь в виду, что это говорится о курсе музейного дела в университете прикладных наук, где курсы включают «многочисленные практические занятия. А, кроме того, есть множество практик, которые студентам следует проходить»⁵.

Следует также отметить один-единственный курс, предлагаемый Канадским университетом Британской Колумбии. Он осуществляется совместно департаментом антропологии и университетским музеем этнографии. Многие годы студенты, проходившие этот курс, оказывались в качестве волонтеров или практикантов в нашем музее. Курс, охватывавший два семестра, и оценивавшийся в 6 зачетных единиц, как правило, читался как «Антропология 431, Музейное дело и кураторство», хотя иногда заменялся на «Антропология 451, Консервация органических материалов». Вот описание курса: «Управление музейными коллекциями и их публичная презентация, вопросы доступности, сотрудничества и культурной собственности. Публичная интерпретация антропологических концепций и материалов с помощью программ и возможностей музея антропологии»⁶. Хотя этот курс ориентирован в первую очередь на проблемы этнографических музеев, на мой взгляд, студенты, прослушавшие его, получали хорошие основы работы с коллекциями, и большая часть из тех, с кем мне пришлось сотрудничать, вполне убедительно выполняли свои обязанности.

Большинство музеев в мире – это отнюдь не большие местные, региональные или национальные институты, хорошо (или, по крайней мере, адекватно) поддерживаемые правительствами, крупными корпорациями или другими источниками финансирования, с представительными штатами, каждый сотрудник которых имеет свои строго прописанные функции. Большинство музеев постоянно сталкивается с проблемой недостаточного финансирования, прибегают к помощи волонтеров, а каждый из их сотрудников имеет множество обязанностей. Эти маленькие или средние музеи не имеют ни времени, ни возможности дополнительно обучать новых сотрудников на месте, наверстывая все отсутствующее у выпускника, получившего в университете диплом по музейному делу и не имеющего никакого опыта реальной работы. На самом деле, на работу в такие музеи берут, как правило, тех, у

⁵ Ruge A. A new Concept for Museum Training in Germany // *Cadernos de Sociomuseologia*. 1996. Vol. 6. P. 25-32. Кроме того, я признательна коллегам из Лейпцига, сообщившим мне некоторую дополнительную информацию о содержании этой программы.

⁶ См.: www.anth.ubc.ca/undergraduates/undergraduate-courses.htm (ссылка последний раз проверялась 25.05.2010 г.), ср.: <http://www.anth.ubc.ca/undergraduates/undergraduate-courses.html> (ссылка последний раз проверялась 17.11.2011г.).

кого уже есть опыт подобной работы, и кто может приступить к выполнению своих функций немедленно.

Со времени значительного роста числа музеев в 1970 – 1980-х гг. музеология вызывает все больший интерес и как объект изучения и как объект преподавания. С утверждением и развитием музеологической мысли и созданием признанных программ по музееведению, внимание в этой области сместилось к анализу музеев и той роли, которую они играют в более широком контексте, например, в отношении к наследию и в отношениях с обществом. Хотя музеи и являются лишь одним из проявлений музеологии, программы по музейным исследованиям все более тесно связываются с музеологией, что и придает им определенные теоретические основы. Теоретический подход к учебным программам и реальность музейной практики привели к появлению некоторой дихотомии между «теоретическим знанием» и «фактическим знанием», последнее из которых оказалось обладающим более солидным основанием⁷. Несомненно, любое разделение между музейными штудиями в их собственном мире гипотетических идей и аналитических стратегий и музейной практикой, укорененной в ежедневной работе, с ее необходимостью решать конкретные проблемы, – фактически, разделение между «почему» и «как», может быть снято двухступенчатым подходом к преподаванию музейных исследований: практическая часть на уровне обучения бакалавра и теоретическая на уровне магистра. Тогда на самом деле все аспекты музейного образования будут ценными и разделение исчезнет. Благодаря такой модели, музеологи смогут стать не только практиками музейной работы, но и творцами теорий (теорий, помещающих известные вещи в систему).

Задачей музейного образования должна быть подготовка студента к тому, чтобы он стал, на одном уровне, практиком музейной работы, а на другом – музеологом. Вопрос о том, должна ли такая подготовка быть предпосылкой благополучному трудоустройству, или же просто служить расширению интеллектуальных горизонтов в выбранной области, – остается открытым. Тем не менее, учитывая, что целью курса все же является подготовить студента к будущей работе (предположительно в той области, которую он изучает), и, следовательно, возможность найти им эту работу должна учитываться, предлагаемые университетами программы музейного дела должны как-то соотноситься с теми требованиями, которые музеи предъявляют при приеме на работу сотрудников⁸. Разрыв между тем, что преподается, и тем, что требуется при приеме на работу, сохраняется и его необходимо уменьшать, приводя преподаваемые курсы в большее соответствие с реальностью музейной практики.

Перевод с английского Ананьева В. Г.

⁷ Theory in Anthropology. Ed. by R. A. Manners, D. Kaplan. Chicago, 1968. P. 5.

⁸ Maranda L. Museology and the Reality of Museum Employment // ICOFOM Study Series. 1987. Vol. 12. P. 167-172.

Информация о статье

Автор: Марэнда Линн – М.А., почетный куратор, Канада, Ванкуверский музей. wpgwhiskers@yahoo.ca

Заглавие: Музейная практика, музейное образование, музеология: Связи и дихотомия.

Абстракт: Хотя автор данной статьи никогда и не был непосредственно связан с преподаванием в данной области (ни как студент, ни как преподаватель), он, однако, имеет длительный опыт работы в музее, как куратор отдела антропологии и как потенциальный работодатель. Следовательно, данное обращение к проблеме «образования для музея» происходит из достаточно близкой области. Будучи практиком/работодателем нельзя было не заметить существующих между двумя этими сферами (музейного образования и музейной практики) взаимосвязей и расхождений. В данной статье некоторые университетские образовательные программы рассматриваются в контексте их связи с музейной практикой. Делается вывод о том, что большинство таких программ имеет одностороннюю направленность и игнорирует требования музейной практики.

Ключевые слова: музей, музейная практика, музеология, образование, университет.

On article

Author: Maranda Lynn – M.A., Curator Emerita, Canada, Vancouver Museum. wpgwhiskers@yahoo.ca

Title: Museum Practice, Museum Studies, Museology: Interconnections and Dichotomies.

Abstract: Since the author of this paper has had no experience as a student or a teacher of any course of study in either of these fields, but rather, has been a long time museum practitioner at a professional level (as Curator of Anthropology) as well as an employer, this contribution to the discussion on museum education, therefore, comes from a perspective of greatest familiarity. Even as a practitioner/employer, it has been possible to observe interconnections and dichotomies apparent between the two spheres, that of museum studies education and that of museum practice. This paper looks at a few university level museum studies programmes in relation to their application to practical museum work. It is observed that most university training has gone in one direction and neglected the needs of museum practice and it is suggested that this could be addressed.

Key words: education, museology, museum, museum practice, university.